

Татьяна Догилева ворвалась в отечественный кинематограф в образе озорной и неунывающей героини, идущей по жизни с беззаботной улыбкой, и смело решающей любые проблемы – как свои, так и чужие. Казалось, что и самой артистке так же лихо удается расправиться с житейскими сложностями. Роли следовали одна за другой («Покровские ворота», «Нежданно-негаданно», «Блондинка за углом», «Забятая мелодия для флейты», «Восток-Запад»), меняя со временем образ актрисы. И только любовь публики к Догилевой оставалась неизменной. Сегодня некогда бурный роман Татьяны с кино несколько поухит, однако на смену ему пришли обновленные и более плодотворные взаимоотношения с театром.

– Я слышала, что вы предпринимали попытки написать книгу.

– Время от времени я пытаюсь это сделать. Мне хочется написать роман и вообще хочется стать писательницей. Мне теперь кажется, что режиссер и актриса – очень тяжелые профессии. Я думаю: как хорошо сидеть и писать буквы. И деньги за это получать. Вот я захожу в книжный магазин – а везде книги авторов-женщин. И возникает мысль, мол, почему же они могут, а я не могу? Я много читаю женских романов и думаю: «Что же, я такую дрянь не напишу?» Я же понимаю, что я не Жорж Санд. И не собираюсь писать на века. Я об этом размышляю с точки зрения прокорма. Несколько раз я себя даже заставляла писать.

– И что в результате получилось?

– Ничего хорошего. Я уже исписала две толстые амбарные книги. Вон лежат. Но у меня там такая неприятность получается... Я после определенного количества страниц теряю всякий интерес к своим героям. И у меня появляются новые. В результате я чешу затылок и думаю: «Так-так-так... Как же это?» Мне объяснили, что есть такое новое направление, когда бросаешь одних героев и описываешь других. Это с одной стороны. А с другой стороны, то, что я пишу, ну никак на интеллектуальный роман не тянет. Я понимаю, что если он авангардный, с потерей героев, то это не консервативный и не классический роман, значит, надо каких-то прикрасов туда добавить. А это у меня не получается. К тому же я хочу написать коммерчески выгодный роман.

– А мемуары писать не пробовали?

– Вот это – нет. Это для меня закрытая тема. Мне все время по этому вопросу звонят из душещипательных передач и журналов, но я сразу говорю, что врать не люблю, а правду говорить не готова. Так они ждут, когда у меня настанет совсем черный день и костлявая рука голода заставит меня взяться за это дело.

– Из каких соображений вы отказываетесь поделиться такими воспоминаниями?

– Из всяких. У каждого человека есть моменты в жизни, которые не хотелось бы обнародовать. Да и жизнь не для того дана, чтобы ее всю напоказ выставлять.

– А не надо всю. Давайте начнем с детства. О чем вы тогда мечтали?

– Мне нравились дальние страны, поэтому в 9-10 классе я ходила в школу молодого востоковеда при МГУ, слушала лекции про Китай и Индию. Также мне очень хотелось попасть в Латинскую Америку, и я думала про университет Патриса Лумумбы. Я хотела много путешествовать и увидеть мир, не похожий на тот, что меня окружал.

– А чем вас не устраивал окружающий мир?

– У меня было абсолютно счастливое детство. Но я из малообеспеченной семьи. И мы вчетвером ютились в семнадцатиметровой комнате. Я нигде не ездила, нигде не была, кроме пионерского лагеря или у бабушки в деревне. Поэтому для меня поездка в Артек, например, была огромным событием. Мой романтизм подогревался большим количеством книжек. Я знала, что где-то есть прекрасный мир: главное – туда попасть. Потому что на примере своих родителей видела, что они туда не попали.

– Жажда приключений и романтики в конечном итоге привела вас в ГИТИС.

– Да, но поступив в него, я поймала себя на мысли, что у меня нет никакой радости. Была усталость, неверие, что все хорошо закончилось, поэтому я ждала какого-нибудь подвоха. Мне казалось, что меня обязательно с первого курса выгонят или еще что-нибудь случится.

– Откуда такая неуверенность? Вы же занимались до этого в студии юного актера при Центральном телевидении. То есть у вас уже была некоторая профессиональная подготовка.

– Да, но мне и в студии не советовали поступать. Говорили, что я способная, но у меня очень тяжелая внешность и потому лучше идти в другую профессию.

– Но с этой «тяжелой» внешностью вы впоследствии сыграли огромное количество ролей.

– Это, скорее всего, странное исключение. Меня сначала не брали в кино, хотя я все время пробовалась. Для героини у меня недостаточно красивая внешность, для характерной актрисы – недостаточно смешная. Я бы, наверное, поостереглась такую

Я ТЕРЯЮ СВОИХ ГЕРОЕВ

актрису брать. Это потом уже привыкли – когда чему-то научилась.

– Вы учились вместе с Виктором Суворовым и Юрием Стояновым. У вас был дружный курс?

– Он был уникальным. Поскольку мы все поступали не по блату, то это была стая щенков, которых допустили к чему-то невероятному.

– А богемный образ жизни, так часто приписываемый творческой интеллигенции, вы вели?

– О, это мы делали с упоением. Хотя очень плохо понимали, что такое богемный образ жизни. Мы ведь еще и бедные ко всему были. Наша богемность заключалась в том, что мы начали безмерно пить дешевый портвейн, про который мне потом уже объяснили, что он не является напитком богемы. В те времена считалось, что актриса должна пить, курить и иметь трагические романы. И вот мы с упорством молодых идиотов все это и выполняли.

– А романы действительно были трагическими?

– У нас на курсе все по кругу перероманились. И некоторые девочки, которые себя ощущали трагическими актрисами, действительно заигрывались до ужаса. Но у меня, видимо, присутствует здоровое начало, которое останавливало на определенном этапе. У меня был роман со Стояновым. Это сейчас он острохарактерный комедийный артист, а тогда был герой – высокий, кудрявый, голубоглазый. И наш трагический роман заключался в том, что мы делали дикообразные этюды: например, он советский шпион, а я туристка, его встречающая. А так как после первого семестра я не попала в число лучших студенток, то поняла, что этот роман мешает моей учебе. И волевым решением его пре-

кратила. Стоянов пострадал недельки две – а мне доносили, как он страдает – и тут же, к концу первого курса женился.

– Вы как-то отреагировали на то, что бывший возлюбленный так скоро вас позабыл?

– Поскольку за это время у Юрия были еще и другие романы, то я и мои однокурсницы вызвали его к себе и спели ему песенку: «Позови меня на свадьбу, мой любимый, посмотри твою невесту позови...» Уровень отношений вот такой был. Мы упивались жизнью и из жизни делали игру, и все переживания пускали в профессию, на ее пользу, потому что в те времена считалось, что немодно быть счастливым. А артист, творческий человек должен страдать, чтобы потом все страдания переплавить и потрясти публику. Мы в это свято верили, и на определенном этапе жизни это все здорово помогало.

– Раньше было проблематично после окончания института остаться в Москве. Тем не менее, вы не только остались в столице, но и попали в один из самых модных ее театров.

– Да, случилось необыкновенное чудо. Арбузов как раз написал пьесу «Жестокие игры», которую взяли все театры страны. И вот понадобилась молодая провинциальная героиня, и многие решили, что это я. Захаров взял эту пьесу и Товстоногов взял. И оба театра меня пригласили. Но я к тому времени уже влюбилась в своего будущего первого мужа и поэтому решила остаться в Москве.

– Стоила ли ваша любовь того, чтобы предпочесть ее БДТ?

– Я прожила с этой любовью, в браке, только три месяца. И, конечно, очень жалею, что не поработала с Товстоноговым. Но абсолютно не жалею, что попала в руки к Заха-

рову, который преподавал мне очень жесткую, но очень высокую школу. Я сразу увидела, что такое хороший, профессиональный, успешный театр.

– «Жестокие игры» с вами продолжались в Ленкоме семь лет. А что дальше?

– Дальше я ничего там не играла. К сожалению, не вошла в обойму актеров, которые необходимы Захарову так, как, например, Александр Абдулов. Захаров не понимал в принципе, как это без Абдулова можно ставить спектакль. Вот я такой актрисой не стала. И хотя он никогда обо мне плохо не говорил, я была лишь одной из его красок.

– Но театру Марка Захарова, как мне кажется, вообще свойственно такое отношение к актрисам: они ему менее интересны, чем актеры-мужчины.

– Да, за одним исключением – Александр Марковны Захаровой. Захаров абсолютной мужской режиссер и никогда не думал о карьере какого-то артиста, а тем более артистки – они ему вообще не нужны. Он всегда думал о том, что его волнует на сегодняшний день в общественных или художественных процессах. И осуществлял свои идеи. Если ты вписывалась в его фронт работ – хорошо, а не вписывалась – то могла сидеть до скончания века и ничего не делать. Или играть одну роль. Он, правда, брал всегда на главную роль. Но играла ты только ее, пока седина не красила твою голову. Я осознала, что мне это грозит, поэтому и стала заботиться о своей жизни сама.

– Тяжело было уходить из Ленкома?

– Тяжело, и это была не одна попытка. Сначала я пыталась уйти в Театр сатиры. Не смогла. И только полная уверенность, что я никогда ничего не буду играть в Ленкоме, была самоспасением. К тому времени уже пришла в театр любимая артистка Марка Анатольевича. И хотя она говорит, что десять лет играла в массовке, я свидетель того, что это чистая ложь. Захаров была назначена во все спектакли. И не сыграла в них только потому, что сама не захотела. Однако я и сейчас говорю, что Захаров – выдающийся человек. Я ему по гроб жизни обязана, ведь это он нашел мне амплу: такую девальвированную героиню, то есть полухарактерную актрису – полугероиню, вот это и стало моим местом. Это моя печаль, что я Захарову была не нужна. Если бы я хоть малюсенькую перспективу видела в Ленкоме, то я не ушла бы из него.

– А почему вы ушли именно в Ермоловский театр?

– Я ушла к молодому режиссеру Валерию Фокину, у которого была блестящая репутация. Он позвал меня, Балуева и Меньшикова на новое дело с мечтой о грандиозном театре. Мы этот грандиозный театр не сделали и поэтому через несколько лет разбежались в разные стороны.

– После этого вы отважно решили сами заняться режиссурой. И ваш дебют – спектакль «Лунный свет, медовый месяц» – не пнул только ленивый. Как вам самой кажется, почему развернулась такая массовая критическая кампания?

– Я считаю, что критики вообще плохие люди, ничего не понимающие в театре.

– Изначально плохие?

– Да. Ну и спектакль был не так хорош, как мне тогда казалось. И потом, к своему спектаклю я все равно необъективна. Он хоть и обруганный, но живет уже десятый год при полной востребованности. Возможно, я тогда допустила много стратегических ошибок. Нельзя было делать премьеру на сцене МХАТ имени Чехова. Я бы тоже написала гадости от возмущения дебютом на сцене театра, где Станиславский с Немировичем работали! Но я не владела ситуацией, все складывалось само собой. Соборались безумные артисты и решили выпустить спектакль. Мы вообще не имели представления, что с ним дальше делать. Мы ведь даже не знали, где билеты продаются. Поэтому постановка стоила бешеных денег. Нас обманывали все. И только теперь, с опытом, я это понимаю. Конечно, я плакала. Я еле выкарабкалась из того ужаса.

– Но на сегодняшний день помимо «Лунного света...» вы поставили еще три спектакля: «Не отрекайтесь любви», «Московские страсти», «Дама ждет, кларнет играет». Как же вы решились войти в ту же воду после такого стресса?

– Из-за честолюбия. Мне позвонил один человек и сказал: «Я предлагаю вам поставить спектакль как актрисе и режиссеру». Видимо, это обращение ко мне как к режиссеру меня изумило, и я согласилась. Кстати, осенью я еще пыталась быть кинорежиссером. И побывала им полтора месяца.

– Почему так мало?

– Потому что за неделю до съемок – когда полностью все было к ним готово, уже были договоры подписаны, актеры время освободили, продюсер закрыл проект, мотивируя это денежными проблемами. Это был жуткий удар. Я очень переживала, но до сих пор делаю такие вялые попытки реанимировать этот проект.

– Вы как и многие актеры сейчас тоже стали сниматься в сериалах. Поменяли отношение к ним в лучшую сторону?

– Нет, просто мне стали присылать вменяемые сценарии и роли. И я потихонечку начала сниматься в сериалах, а потом мне понравилось. Хотя сейчас нахожусь вне мейн-стрима нынешнего кино.

Наталья КАШИНА